

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ФОРМАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Політична ідеологія сучасності є надзвичайно багатограним та фрагментарним феноменом, який досить інтенсивно вивчають з різних позицій політології і філософії. Проте є галузь досліджень, інтерес до якої незаслужено низький. До такої галузі можна віднести релігійні форми політичної ідеології. Автори статті зробили спробу деякою мірою виправити цей недолік.

Ключові слова: *релігійна форма ідеології, політична форма ідеології.*

The political ideology of the present is extremely many-sided fragmentary phenomenon. It is enough intensively studied from various positions of political science and philosophy. However, there is an area of researches, interest to which wrongfully is low. The religious forms of political ideology behave to such area.

Keywords: *religious forms of ideology, political forms of ideology.*

Потребность людей в религиозном осмыслении и освоении реальной действительности возникла, как известно, многие тысячелетия назад. Не исчезла эта потребность и в наши дни. Причины её возникновения, длительного существования, развития и совершенствования подробно и убедительно рассматривались в произведениях многих исследователей.

Поскольку на протяжении всей истории цивилизации, особенно в период возникновения и укрепления государства, являющегося главным инструментом политической власти общества, вопрос о соотношении власти и религиозных притязаний на её устройство и функционирование всегда являлся одним из острых и дискуссионных, постольку в течение многих веков складывалась как религиозная, так и светская политическая идеология. Их структура, функции, формы и социальные носители имеют общие и специфические черты.

Основной целью статьи является попытка показать связь политических и религиозных форм идеологии.

Рассмотрим первоначально природу самих идеологических отношений. В реальной жизни люди вступают не только в экономические, социальные и политические отношения. Борясь за собственность, власть и социальные права, они руководствуются определёнными идеями и ставят идеологически окрашенные цели. Но то, что подходит богатому, бедному или человеку со средним достатком, живущему в своей экономической, политической и социальной среде, может не устраивать православного, иудея, мусульманина, католика и т. д., придерживающегося «веры отцов».

Именно *по поводу* идеалов, формирующихся в процессе жизнедеятельности того или иного социально-экономического и политического сообщества, и складываются *идеологические отношения* между людьми.

«Производство», обмен, распределение и «потребление» политических идей в известной мере сопоставимы с производством материальных вещей. Только весь указанный цикл «производства» и «потребления» идей может рождаться и существовать в «голове», то есть, как говорил Гегель, возникать из самих себя [1, с. 10].

Именно поэтому любую политическую идеологию, включая и её религиозную форму, невозможно признать научной или же наукой как таковой. Об этом мы будем говорить позже. Здесь же лишь укажем на неудачные попытки обосновать «научную идеологию». Творец термина «идеология» Дестют де Траси, как известно, в своих трудах доказывал, что учение об идеях можно признать таким же точным, как и естественные науки. Его претензии оказались «плохо обоснованными». Позднее «научную идеологию» пытались создать учёные, не сумевшие понять и осознать учение Карла Маркса. Они вульгарно интерпретировали и фальсифицировали целый ряд постулатов своего «учителя», в том числе и представления Маркса об идеологии, утверждавшего, что идеология есть ложное учение правящего класса о самом себе.

Значит ли это, что политическая идеология не нужна? Вовсе нет. Тот факт, что в конкретной идеологии всегда переплетаются вера и реальные идеалы, мечты и цели, вовсе не означает того, что без идеологии можно обойтись. Во-первых, обратим внимание на слово «вера». Оно может означать не только сам факт веры в сверхъестественное, но и просто убежденность в чём-либо конкретного человека, его внутреннюю позицию, уверенность в достижении поставленной цели. Поэтому не всякую веру можно и нужно интерпретировать в качестве веры в Бога. Здесь уместно обратиться к словам апостола Павла, говорившего в своём послании к евреям: «Вера... есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» [2, Послание Святого Апостола Павла к евреям, 11:1].

Во-вторых, любая идеология в своей структуре имеет такие элементы, которые призваны ориентировать человека в сложном мире. Такая ориентация необходима и в политической жизни людей. Это очень убедительно показал Ульрих Матц в своей фундаментальной статье «Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна» [3].

Реконструируя идеальный тип идеологии, то есть воссоздавая архетип идеологии, Матц пришёл к выводам, которые, на наш взгляд, позволяют понять содержательную основу религиозных форм политической идеологии. Действительно, если идеология выполняет в политике роль «эрзац-религии», с помощью которой редуцируются общественные сложности к реальной действительности, то она может принимать весьма причудливые формы, в том числе и такие, когда политик выступает уже не в качестве представителя общества, а как последователь и проводник трансцендентного принципа (идеологии). Примером может служить ответ солдата-декабриста на вопрос о том, за кого он выступает на площади: «За Царя и его жену – Конституцию». Идеология, действительно, представляет собой учение, где логические связи полностью заменены не всегда отчётливо сознаваемыми элементами веры, нивелирующими как высокие, так и примитивные представления о политике. Что может сказать неграмотный турецкий крестьянин о демократии, если

она ассоциируется у него со словами «Демикыратт», то есть с неким подобием Сивки-Бурки, вещи каурки? Что мог сказать и понять крестьянин и понимает современный студент о социализме и коммунизме, если он «загружен» современной антикоммунистической идеологией?

Именно в силу того, что в идеологических построениях любого типа (светского или религиозного) содержится редукция сложных проблем к весьма простым, доступным для понимания «массами», и *скрывается опасность*: люди, участвующие в драматических событиях, обусловленных кризисом смысла своего политического существования и поведения, вынуждены подчиняться (чаще всего добровольно веря в идею) деспотам, тиранам, политическим пройдохам и демагогам (буквально: водителям народа). Заметим, что Маркс и Энгельс вовсе не случайно упорно отказывались «нарисовать» контуры коммунистического общества. Маркс на вопрос о том, каким будет коммунизм, насмешливо отвечал, что он не «торгует будущим» и дал весьма осторожное описание коммунизма почти в конце своей жизни, предваряя описание коммунистического строя словами: «...После того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; *когда труд перестанет быть только средством для жизни*; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы...» [4, с. 16].

Когда это будет? Когда будет, тогда и будет, то есть время прихода общества к своему «светлому будущему» ни Маркс, ни Энгельс не хотели указывать, потому что люди найдут в будущем для решения своих проблем такие методы, способы и средства, которые соответствуют их времени и возможностям. Этот тезис относился и к политическим проблемам, в частности, к государству, которое исчерпает свои функции и станет не нужным обществу, когда оно сможет достигнуть уровня, на котором политическая власть (то есть власть, стоящая над человеком) будет заменена естественным путем её развития властью «обобществившегося человечества».

Таким образом, классики марксизма понимали опасность идеологической интерпретации, которая сродни «эрзац-идеологии», и предпринимали усилия избежать превращения своего учения в своеобразное религиозное течение, как это произошло с сенсимонизмом. К сожалению, этого не сумели сделать послемарксовские идеологи, которые остановились перед неразрешимой задачей типа «квадратуры круга» – попытались создать «научную идеологию». Результат был предрешён: вера в то, что начертали политические деятели в программе построения совершенного общества, осталось *верой* для большей части людей. Но любая вера ограничена тем, что в русском языке называется «до-верием», то есть уверенностью в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-либо. Если люди не смогли увидеть последнего, то вера исчезнет, и идеология любого типа, формы и характера теряет свойство ориентации людей в политической жизни.

В истории религиозно-политического развития человечества неоднократно возникали ситуации, когда те или иные формы политической идеологии теряли (катастрофически быстро и грубо) *до-верие* огромных масс людей и вчерашние политические кумиры повергались в прах, а их идеи осмеивались и

фальсифицировались. История политической жизни многих стран наглядно доказывает, что идеологическое видение (идеологизация) экономических, социальных, духовных и политических процессов (проблем) чревато потерей ориентиров и смысла развития общества. Но парадокс в том и состоит, что на смену старых, «отслуживших» своё идеалов, на смену обветшавших и набивших всем оскомину идеологических штампов с неизбежностью приходят *новые*, но тоже идеологические постулаты, ориентирующие общество на новые «зияющие высоты» (А. Зиновьев).

Следует отметить, что западная общественно-политическая мысль в лице её ярких представителей явила миру весьма многочисленные и влиятельные политические идеологии, которые определили развитие политических систем многих стран мира. Иудо-христианство, либерализм, консерватизм, социал-демократизм, марксизм, анархизм, нацизм, фашизм – это такие политические идеологии, пути и дороги которых прошли миллионы последователей. Восточная Европа лишь потребляла и часто в искаженной и примитивной форме то, что производила Западная Европа.

Удивительно, но факт: западная политическая «машина» сумела разработать, апробировать, а самое главное, оценить и усвоить рациональное, отвергнуть опасное, ассимилировать полезное из богатого идеологического наследия своего континента. Конечно, для этого Европе потребовались многие века. У нашей страны такого количества времени нет, мы – страна догоняющего развития. Поэтому для политических идеологов Украины было бы полезным усвоить то, что Гегель понимал под термином «Aufheben» («снятие»). Оттого, что какое-либо событие, явление и т. д. «снимает» себя, то есть исчезает по каким-либо причинам, оно не превращается в «ничто». «Aufheben, – указывает Гегель, – имеет в немецком языке двойкий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*» [5, с. 168]. Этот термин, введенный Гегелем в философское мышление, означает, что «снятое» отнюдь не означает «уничтоженное». Смеем утверждать, что многие великие и малые революционеры не смогли усвоить логику мышления Гегеля. Например, М. Бакунин, сделавший первый перевод с немецкого языка на русский «Манифеста коммунистической партии», везде в тексте переводит слово «снятие» (aufheben) как «уничтожение». Ленин лишь в 1914 году, то есть за три года до Октябрьской революции, внимательно конспектирует «Науку логики» Гегеля и отмечает другое значение его – «сохранение». Он даже высказал «крамольную» мысль с тем, что «никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя», ибо никто из них не проштудировал гегелевского основного труда. К сожалению, до сих пор термин «aufheben» в украинской и русской политической философии трактуется как «уничтожение», а не «снятие», то есть «сохранение».

Возвращаясь к проблеме религиозных форм политической идеологии, отметим, что и для неё рассматриваемый выше термин имеет значение.

В начале статьи мы уже отмечали, что у многих людей существует потребность в религиозной интерпретации, познании и осмыслении политических явлений. Одно направление в организации взаимосвязи религии и политики будет, если правящая

политическая и идеологическая элита попытается «уничтожить» религиозное мышление; совсем другое, если, учитывая живучесть религии, её «снять», сохранив положительные качества, но ослабив политическое влияние. Ленину потребовалось семь лет для того, чтобы понять: частная собственность должна быть *сохранена* («снята»), а *не уничтожена*, что и подтолкнуло его к новой экономической политике. Сталину потребовался более длительный срок и Вторая мировая война для понимания роли религиозной идеологии в кризисных ситуациях. Дело в том, что в кризисных ситуациях у масс всегда возникает дефицит веры в цели и основные ценности своего общества. Поэтому уровень нравственности и доверия к политическим руководителям (вождям, диктаторам, президентам и премьерам), а также к законам и социальным нормам падает. Солидарность и коллективизм рушатся. Несокрушимым, в большинстве случаев, остаётся вера в Идею и Бога. Политическая идеология в таких условиях приобретает характер *веры*.

Именно через веру в Идею или Бога люди пытаются найти смысл своего существования и деятельности в политическом мире, который для них стал абсурдным. Ведь абсурд в политике, как и в любой сфере жизнедеятельности человека, тогда можно объяснить (оправдать?!) «божественной» волей, «грехом» самого человека, проделками сатаны и т. д. То есть людям можно *объяснить* источники трудностей, успокоить, породить надежду на лучшее политическое будущее, нацелить их на новые мужественные поступки, прибегая к религиозной интерпретации сложившихся неблагоприятных политических событий.

Отнюдь не случайно, а продуманно и целенаправленно, например, в обращении к светским людям после нападения гитлеровской Германии на СССР Сталин включил терминологию, которая свойственна религиозным сообществам. Он обращался не только к «товарищам», но и к «соотечественникам» (к тем, кто после революции покинул Отечество), а также к «*сестрам и братьям*». Так обращались друг к другу только верующие люди – «*сёстры и братья во Христе*». Это обращение свидетельствует, что даже диктаторы, обладающие неограниченной властью, в кризисных ситуациях предпринимают попытки опереться на силу и волю религиозных общин.

Возникает вполне обоснованный вопрос: почему политическая идеология соединяется с религиозной? Почему любая идеология потенциально содержит в себе элементы «религиозности» и способна стать «эрац-религией», то есть «светское», совсем не церковное орудие политического давления на личность, соединяется с откровенно религиозной системой мышления?

В гносеологическом отношении метаморфоза идеологии в религию, то есть процесс преобразования идеологии (изменение её основных принципов, структуры ценностей и их истоков) можно объяснить, на наш взгляд, исследуя свойство как идеологии, так и религии.

Мы уже отмечали, что любая идеология композитна: она состоит из разнородных (рациональных и иррациональных) элементов. Так, политическая идеология на определённом этапе своего «развития» теряет способность обосновывать защищаемые идеалы научными средствами. Причины могут быть

разными: неграмотность населения, заскорузлость вождей, коллективный нарциссизм нации или государства, религиозный или партийный фанатизм, просто вера в «справедливость» и т. д. И тогда с особым размахом начинает культивироваться политические мифы, обыкновенная и примитивная ложь о целях, задачах и способах функционирования политической системы, партии, вождах, правителях. Именно в период политических кризисов идеология легко превращается в суррогат веры. И это понятно: если нет рациональных объяснений политических трудностях функционирования общества, то требуется *вера*, так как необходимо «связать» разрушающиеся идеалы с реальной действительностью. Отсюда и обращение к религии, религиозным аргументам.

Здесь мы вынуждены обратиться к анализу термина «религия». В философской культуре, истоки которой восходят к диалогам Платона, уделялось значительное внимание этимологии конкретного понятия. Сейчас этот пласт, связанный с выяснением подробностей происхождения философских понятий и категорий, разрушается. Частично это связано с утратой философской культуры, частично – с уходом из жизни общества практики изучения древних языков. Но если подойти к религии с позиции науки этимологии (греческое *etimon* – истина), то не случайным является то, что многие ученые прошлых веков обращались к этимологии слова «религия». Они находили здесь скрытую сегодня от нас основу, которая очень важна. Так, В. С. Соловьёв, обосновывавший идею «Богочеловечества» и «теократию», не случайно при анализе власти вспоминает «старое имя» религии. Он указывал на то, что оно (имя религии – «связь») служит связующим звеном или средством соединения мира божественного и мира человеческого [6, с. 174]. Крупнейший представитель религиозного подхода к политике, который попытался обосновать целостное религиозное учение о социализме, С. Н. Булгаков также интерпретирует религию (*religare*) как то, что воссоединяет разъединённое [7, с. 174]. Из современных исследователей термин «религия» обстоятельно анализировал В. В. Библихин. «Слово „религия“, – отмечает он в своей статье, – происходит от латинского *re-lego*: „вновь собирать“...» [8, с. 36].

Возникают естественные вопросы: что «связывает» религия, что она воссоединяет и собирает в политической жизни? Что нам даёт этимология, то есть основное значение слова в понимании религиозных форм политической жизни?

Во-первых, основное значение этого понятия указывает на *связь* мира политического с миром божественным. Саморазорванность человека, его частичность (единичность) рядом с грозным и великим «общественным» (идеи, цели, контроль общества над личностью) приводит к тому, что личность не видит «выгоды» от связи с социумом и властью. Напомним, Платон в мифологической форме утверждал, что «золотой век» человечества был тогда, когда государством управляли боги. Потом эта связь прервалась. Его ученик Аристотель не случайно называл этику политикой, указывая тем самым на её общественно-связующую сущность. Согласно Аристотелю, политика является этикой коллективной жизни и поэтому более фундаментальна, чем техника и технология такой жизни. Из этого можно сделать вывод, что религиозные формы политической жизни, соединяя божественное и человеческое, устраняют или

нивелируют разорванность частных, особенных и общих интересов.

Во-вторых, идеология сама по себе есть суррогат, эрзац-религия (У. Матц, Э. Шилс). В течение тысячелетий в политических системах мира функционировали как бы два взаимодополняющих друг друга уровня интерпретации государственной власти – рациональной и иррациональной. На них продуцировались многочисленные и порой весьма причудливые формы религиозной политической идеологии. Именно *связь* рационального и иррационального актуализируется в ситуации «смутного времени». Вера в разум светской власти в такие периоды падает, но сопровождается надеждой на помощь сверхъестественных сил, сливаясь с верой в Бога.

В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов политической психологии масс, устающих от хаоса, беспорядков и беззакония. Во время кризиса политической системы у многих граждан могут появиться авторитарные настроения, поиск «сильной руки», желание ради «порядка» в обществе слепо подчиняться диктатору, объявив его мессией. Ведь не случайно в бурных политических демонстрациях девяностых годов прошлого столетия некоторые граждане России несли иконы с изображением Ельцина. В наши дни такие «иконы» появляются с фотографиями Путина. Возникла попытка канонизировать Сталина в качестве святого. Можно сказать, что религиозные формы политической идеологии усиливают идолопоклонство перед политической властью.

Таким образом, идеология и её религиозные формы в содержательном и функциональном отношении очень близки. Особенно эта близость (вплоть до взаимозаменяемости) характерна для общества, в котором по каким-либо причинам утрачивается смысл жизнедеятельности, размываются цели развития, деградирует нравственность, потеряна вера в будущее страны, нации, государства.

Какие же религиозные формы приобретает политическая идеология? Если в качестве объекта анализа взять лишь христианство (католицизм и православие) и оставить в стороне из-за краткости статьи другие мировые религии, то можно назвать следующие формы политической идеологии:

- церковная форма;
- «околоцерковная» форма;
- «внецерковная» форма.

Их сходство и специфические черты являются предметом нашего дальнейшего анализа.

Истоки церковной формы политической идеологии, несомненно, находятся в Библии. В «Священном писании» достаточно чётко прослеживается линия мифологических, реальных и далёких от реальности размышлений, афоризмов и «советов», в которых раскрываются сложные отношения между религией и властью (в том числе и властью денег), между верой и знанием. Ценность таких размышлений заключается в том, что они «выросли» из глубины веков и отражают гармоничность или, напротив, дисгармоничность связей религии и политики в масштабах не десятилетий и даже столетий, а тысячелетий.

Какие проблемы обсуждались авторами Книг Царств и евангелистами? Чаще всего к ним относились проблемы войны и мира, мятежей и восстаний,

договорённостей в политике и т. д.

Центральной проблемой религиозной версии политических событий в конкретное время, несомненно, является вопрос о законности власти. О том, что эта тема тревожила в течение тысячелетий народы многих стран, говорит тот факт, что и в Ветхом, и в Новом Завете она представлена неоднократно. В Новом Завете она звучит в яркой литературно и афористичной форме. Трагизм заключается в том, что мир светский и мир религиозный в вопросах *о власти* не находят единства в её оценке. Царство «не от мира сего» не вписывается в логику представлений о власти реальных людей, живущих во времена Христа. Об этом говорят центральные эпизоды из Библии, которые раскрывают вопрос о легитимности как пророческой деятельности Христа, так и законности его претензий на Царство Небесное. Действительно, ещё в Ветхом Завете в книге пророка Даниила появляется идея о том, что в истории человечества было несколько, следовавших друг за другом, царств: золотое, медное, железное, смешанное из глины и железа. Последнее царство пророк называет «разделённым», ибо глина и железо не могут соединиться друг с другом. Наконец, наступает пятое царство, которое сокрушит все иные царства, а само будет существовать вечно.

Надо сказать, что концепция Августина Блаженного о «граде Божьем» и «граде Земном», появившаяся лишь в V веке н. э., несомненно, в своём основании имела размышления о видах власти, принадлежавших пророку Даниилу. Но Августин Блаженный открыто и однозначно назвал государственную власть достоянием Дьявола, а правительства – разбойнической шайкой, что в дальнейшем породило множество сект, учений и религиозных движений, которые сурово осуждали государственную власть. Заметим, что деятельность многих правительств подтверждала пророчества как Даниила, так и представление Августина Блаженного о государстве как об институте, порождающем насилие и беззаконие.

Примечательно, что наряду с ветхозаветным описанием отрицательных свойств политической власти, жестоких правителей существует и вторая линия, где авторы библейских книг размышляют о способах ограничения власти. Ведь если обратить внимание на то, как представлены отношения религии и политики в Новом Завете, то в рассуждениях Христа рассматривается идея отделения церкви от государства.

Действительно, поведение Христа, не отрицавшего простонародного представления о нём как о царе, его ответы на вопросы первосвященников и Пилата служат основанием для такого утверждения. Начнём с легитимности проповеднической деятельности Христа. Известно, что в Иудее в «смутное время» появилось очень много *пророков-самозванцев*. По закону Моисея и Мельхиседека, законным считался лишь тот первосвященник, имеющий право на проповедь, который должен быть из Колена Иуды и главное – посвящён в эту идеологическую деятельность после принесения клятвы. Поскольку Христос не прошёл этой процедуры, то книжники и фарисеи обвиняли его в самозванстве. Более того, народ называл Христа не только пророком, но и царём иудейским, так как он вёл свою родословную от Давида. Фарисеи неоднократно пытались идеологическими средствами доказать отсутствие легитимности Христа как пророка и царя. Сам

Христос очень осторожно, но безупречно, с логической (идеологической) точки зрения, нейтрализовал все обвинения со стороны первосвященников в его самозванстве.

Например, когда книжники и фарисеи подослали к нему «лукавых людей» для того, чтобы добыть доказательства его притязаний на власть, а затем предать его в руки начальства и правителя, то на вопрос о необходимости платить или не платить подати властителю Христос ответил фразой, вдохновившей многих художников и писателей на создание своих произведений: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Эта формула, лаконичная по форме и глубочайшая по содержанию, вошла в христианские политические концепции в качестве основного элемента их идеологии.

Если отбросить эсхатологичность идеи пророка Даниила о последовательной смене царств и возникновении в конце истории Царства Божия, то идея Христа о том, что у кесаря и Бога «свои» проблемы, реально является предпосылкой отделения друг от друга «двух царств» – земного и божественного.

Далее. Усомнились книжники и в царском происхождении Христа, выдвинув главное против него обвинение в претензии на политическую власть. Обратим внимание на два библейских эпизода, где Христа вопрошают по этому поводу. На суде Понтий Пилат спрашивает: «Ты Царь Иудейский?» Христос, во-первых, парировал вопрос, сказав, что Пилат говорит от себя. А во-вторых, уточнил, что его царство не от мира сего. Если бы это было мирское царство, то его подданные не предали бы своего царя.

Примечателен и эпизод с подписью, которую Пилат сделал после казни. Он по-еврейски, по-гречески и по-римски написал, что казнён «Иисус Назарей, Царь Иудейский». Первосвященники, оспаривавшие право на пророчество и царство, просили изменить эту подпись: «Не пиши: Царь Иудейский, но что *Он* говорил „Я – Царь Иудейский”» [2, Евангелие от Иоанна, 19:19:21]. Ранее, когда Христос вёл проповедническую деятельность, иудеи хотели побить его камнями за то, что он, являясь человеком, представлял себя Богом [2, Евангелие от Иоанна, 10:33].

Таким образом, в пророчестве Христа, в ходе суда над ним складывались основные религиозные идеологические догмы, штампы и ориентиры для верующих и неверующих политиков.

Значительный вклад в религиозные формы политической идеологии внесли и его ученики. Апостолы – это ученики Христа, которые непосредственно слушали его проповеди, а затем несли его учение простым людям. Одним из столпов религиозных политических идей является апостол Павел. В его послании к римлянам создана одна из мощнейших опор современных религиозных представлений об отношении верующих к светским властям. Он говорит: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» [2, Послание Святого Апостола Павла к римлянам, 13:1].

В данной статье мы не сможем в полном объёме проанализировать все библейские истоки и предпосылки современных форм политической идеологии христианства. Но уже из сказанного выше достаточно отчётливо проявляется специфика религиозной политической идеологии. Для неё характерны следующие

черты:

1. Политическая власть является богоданной.
2. Она ограничивается только Богом, а не подданными.
3. Царство Божие вечно.
4. Легитимен лишь тот правитель, который соблюдает заповеди Бога.
5. Если властитель отступает от этих заповедей, то государственная власть превращается во зло.
6. Поскольку всякая власть от Бога, то ей необходимо подчиняться.
7. В Царстве Божьем управление будет осуществлять Божье Правительство.

В той или иной редакции указанные выше постулаты встречаются в любой форме религиозной политической идеологии: относится ли это к прошлому, настоящему или будущему политической жизни общества.

Прошедший двадцатый век, богатый на войны, мятежи и революции, в самом лоне католической церкви и в протестантизме породил достаточно влиятельные идеологические системы. Часть из них были не признаны, и против них велась и до сих пор ведётся борьба Ватикана. Другие концепции в той или иной мере ассимилировались или же, напротив, игнорировались официальной церковью. Уже одно название этих концептуальных идеологических схем говорит о том, что процесс формирования религиозных политических идей далёк от завершения. Назовём их: теология освобождения, теология революции, теология надежды, феминистская теология, чёрная теология. В рамках католицизма особое беспокойство у официальных лиц вызывала теология освобождения. Нынешний Папа Римский Бенедикт XVI, посещая Латинскую Америку, где эта идеология широко распространена, говорил: «Пережитки теологии освобождения, с которой я боролся ещё будучи кардиналом, мешают настоящим католикам воспринимать религиозные постулаты правильно» [9, с. 32].

Указанные выше виды религиозной политической идеологии, включая её околоцерковную и внецерковную форму, требуют большего формата, чем одна статья, поэтому они станут предметом последующего анализа.

Литература:

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия истории* / Г. В. Ф. Гегель // Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14-ти т. М.-Л. : Соцэкгиз, 1935. – Т. 8.
2. Библия. – М., 1995.
3. Матц, Ульрих. *Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна* / Ульрих Матц // Полис. – 1992. – № 1–2.
4. Маркс, К. *Замечания к программе Германской рабочей партии* / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9-ти т. – М. : Политиздат, 1987. – Т. 6.
5. Гегель, Г. В. Ф. *Наука логики* : в 3-х т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1.
6. Соловьёв, В. С. *Философские начала цельного знания* / В. С. Соловьёв // Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х т. ; 2-е изд. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2.
7. Булгаков, С. Н. *Христианский социализм* / С. Н. Булгаков. – Новосибирск : Наука, 1991.
8. Бибахин, В. В. *Философия и религия* / В. В. Бибахин // Вопросы философии – 1992. – № 7.
9. Релігійна панорама. – 2007. – № 5.